

ВЛАДЕНИЕ И ВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

В.В. Бутина,
магистрант Омской юридической академии
veronika777-93@mail.ru
Научный руководитель:
Е.Н. Маланина,
и.о. заведующего кафедрой гражданского права
Омской юридической академии

На протяжении долгого времени институт владения оставался неразработанным и неоформленным в законодательстве нашего государства. Но в соответствующих положениях Концепции развития гражданского законодательства [8] и Проекта Федерального закона №47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] владению уделяется довольно большое внимание. Об этом, прежде всего, свидетельствует выделение данного института в отдельный подраздел, который открывает раздел II «Вещное право».

Однако что же понимать под владением? Это факт, право или иное явление, которое не поддается объяснению?

На данный момент в юридической науке нет однозначного мнения по поводу природы рассматриваемого нами института. Владение понимают либо исключительно как юридический факт либо же отмечается двойственная природа владения [1]. Признавали владение фактом Ю. Барон, Г. Дернбург, Д. И. Мейер, Е. В. Васьковский. Аналогичной точки зрения в настоящее время придерживаются Н. В. Бадаева, К. И. Скловский и Е. А. Суханов. Рассматривали владение в качестве права Р. Иеринг, Л. Эннексерус, Г. Пухта, Ф. Поллок, К. Д. Кавелин, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич. Среди современных цивилистов эту точку зрения отстаивают Д. В. Дождев, У. Маттеи, Дж. Гордли, А. В. Коновалов, А. Д. Рудоквас, Л. Ю. Василевская.

На наш взгляд вопрос о юридической природе владения в современной науке гражданского права должен решаться в пользу безоговорочного признания владения правом.

Во-первых, тот факт, что владение присутствует и там, где владелец не способен обеспечивать свое постоянное физическое господство над вещью, неизбежно приводит владение в категорию права [7].

Во-вторых, возможность судебной защиты владения характеризует данный институт исключительно как право. Говорить о возможности исковой защиты юридического факта, какое бы особое значение ему ни придавалось, на наш взгляд некорректно.

Приверженцы теории владения-факта, утверждают, что исследование в рамках посессорного процесса только фактической составляющей владения говорит о том, что признавать владение правом бессмысленно. Однако исследование лишь фактической стороны дела, исходя из специфики владельческой защиты, необходимо для соблюдения принципа процессуальной срочности и вовсе не свидетельствует о том, что в данном случае защите подлежит именно факт, а не право.

В свое время Г. Ф. Шершеневич справедливо отмечал: «С точки зрения русского законодательства владение есть не факт, а право, потому, что, во-первых, владение приобретает и утрачивается, а к этому факты не способны и, во-вторых, что нарушение владения составляет само по себе правонарушение, и его следует причислить к категории вещных прав» [14].

Противники данной теории скажут, что право незаконным быть не может, в то время как понятие незаконного владения в рамках законодательства существует. Однако когда мы допускаем, что незаконное владение подлежит юридической защите, пока не доказано обратное, мы имеем дело не с субъективным правом владения, а лишь с его видимостью, которая распадается при выявлении несоответствия фактического владения устоявшемуся правопорядку.

В соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства «Владение следует урегулировать как факт (фактическое отношение)». Интересно, что разработчики Концепции при этом ссылаются на понимание владения в гражданском праве Германии, воспроизводя положения § 854 BGB: «Владение вещью приобретает достижением фактического господства над вещью» [5]. Но из других норм BGB явно следует, что германское гражданское законодательство признает владение правом. В частности, непосредственно в уложении зафиксировано, что владение передается по наследству. Признание гражданским правом Германии двойной конструкции владения также подтверждает данную точку зрения.

Гражданский кодекс Франции относит владение к разновидности вещных прав, регулируя его в основном в рамках регламентирования права собственности [3]. Австрийское гражданское право, следуя устоявшейся традиции, в § 308 ABGB также относит владение к числу вещных прав [2].

В некоторых статьях Проекта изменений ГК РФ также можно увидеть, что владение трактуется в качестве права. Например, согласно абз. 2 п. 1 ст. 209 Проекта: «В целях защиты владения нарушенное владение не считается утраченным, если лицо в установленном порядке воспользовалось защитой владения». Получается, что в течение срока давности для владельческого иска владельцем вещи продолжает оставаться тот, кто фактически ее утратил, а не тот, кто ею фактически владеет [12]. Это противоречит установленному в п. 1 указанной статьи определению владения как факта.

Подтверждения признания владения субъективным правом есть и в судебной практике. Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 2 сентября 2015 г. №Ф09-6050/15 по делу №А76-21388/2014 под владением понимается «юридически обеспеченная волевого, фактического и непосредственного господства лица над вещью, то есть самостоятельного и открытого осуществления над нею хозяйственной власти, возможность вступления в физический контакт с вещью каждый раз настолько быстро, насколько это зависит от воли владельца» [11].

Таким образом, опираясь на практику зарубежных стран, имеющих большой опыт в исследовании данного института, следует признать владение правом и отказаться от определения, навязанного нам предстоящими переменами в законодательстве. Только в случае признания нашим законодателем владения в качестве права гражданско-правовая защита в

виде упрощенного посессорного процесса в полной мере может существовать и эффективно действовать в условиях российского общества.

Теперь обратимся непосредственно к исследованию института владельческой защиты. Положения Концепции развития гражданского законодательства и Проекта изменений в ГК РФ дают основания полагать, что указанный институт будет существовать в нашем государстве.

Обосновывая необходимость введения посессорной защиты можно отметить упрощенный способ защиты своего владения. Истцу достаточно доказать только факт владения истребуемым имуществом, не касаясь правового основания [6]. В качестве еще одной особенности можно указать предварительный характер решения, принятого в посессорном процессе. Если одну из сторон не устраивает принятое решение, у нее есть возможность предъявить в суд соответствующий петиторный иск.

Однако будет ли этот механизм эффективно работать на практике с учетом сформировавшихся норм в Проекте изменений ГК РФ? На наш взгляд следует рассмотреть этот аспект подробнее.

Статья 210 Проекта изменений ГК РФ предусматривает, что владение доступно любому лицу, следовательно, и признанному в судебном порядке недееспособным (о чем нам говорит и Концепция). Однако, включая недееспособных в список субъектов владения, ничего не сказано о реализации ими права на защиту во внесудебном порядке. Например, непонятно как такие лица будут осуществлять самозащиту, обращаться к уполномоченным государственным органам или органам местного самоуправления.

Интересным является то, что разработчики Концепции прямо указывают, что нет необходимости закреплять в ГК двойное владения в целях упрощения применения владельческой защиты, что на наш взгляд является явным упущением.

В Германии конструкция двойного владения закреплена в § 868 BGB: «если лицо владеет вещью в качестве узуфруктуара, залогодержателя, арендатора, нанимателя, хранителя либо на основании иного подобного правоотношения, в силу которого оно вправе или обязано по отношению к другому лицу временно владеть определенной вещью, то последнее также является владельцем (опосредованное владение)». Этот подход является более справедливым, так как в случае передачи вещи во временное владение другому лицу, владение собственника не утрачивается, а лишь временно ограничивается [9]. И при возникновении ситуаций, требующих осуществления защиты владения, зачастую больший интерес в возврате объекта владения будет у собственника, нежели у временного владельца.

В связи с этим нуждается в пересмотре п. 2 ст. 216 законопроекта, признающий субъектом активной легитимации лицо, утратившее владение последним. Не стоит ограничивать право на предъявление требования о защите владения, предоставляя его лишь последнему владельцу.

Объектами владения согласно ст. 211 Проекта ГК являются вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги. Весьма удачным видится нам указание на необходимость индивидуализации вещей, определяемых родовыми признаками, в целях установления владения. Ранее этот аспект освещался только в доктрине.

Следующей особенностью Концепции и Проекта является то, что здесь закрепляются единый подход в отношении движимых и недвижимых вещей.

Однако осуществлять фактическое господство над движимой вещью значительно легче. В то время как зачастую владельцы недвижимого имущества проживают вдали от этого имущества достаточно долго, что согласно буквальному толкованию Проекта изменений ГК РФ вовсе исключает владение недвижимостью. Если, к примеру, собственник летней дачи закрывает ворота на замок и не будет по весьма понятным причинам появляться там в зимнее время года, значит ли это, что он будет считаться ее владельцем? Разумеется, он не утрачивает правомочие владения, важно другое: владеет ли он фактически этим имуществом и как ему это доказать?

Владельческая защита движимых и недвижимых вещей в гражданском праве России должна быть разграничена. Возможно, практика зарубежных стран в этом вопросе будет примером для нашего законодателя. Так, в Австрии владение недвижимым имуществом возможно по общему правилу только на основании записи в поземельной книге. В гражданском праве Швейцарии права на недвижимость и право подачи владельческих исков признаются только за зарегистрированным лицом, если недвижимость зарегистрирована в соответствующем реестре (ст. 937 ZGB) [4].

Наряду с изложенным хотелось бы указать, что ранее Проект изменений ГК РФ более жестко относился к возможности в посессорном процессе заявлять о правах на спорное имущество и запрещал ответчику в качестве возражения ссылаться на доказательства принадлежности ему права на объект владения. В нынешней редакции чтобы не разделять процедуру рассмотрения дела на два этапа ст. 218 позволяет лицу, к которому предъявлено требование о защите владения, заявить возражение на данное требование.

Такое решение, безусловно, является более правильным. Хотя в этом и усматривается тенденция к некому смешению посессорного и петиторного процессов, все же это существенно упрощает общую процедуру. Похожие примеры есть и в гражданском праве зарубежных стран. Например, Гражданский кодекс Швейцарии в ст. 927 ZGB дает ответчику по владельческому иску возможность представить сведения о «лучшем праве» к спорному владению, что исключает возможность удовлетворения владельческого иска.

Еще одной особенностью Проекта изменений ГК РФ является п. 1 ст. 217, согласно которому истцу необходимо доказать, что он владел спорной вещью в течение года до нарушения. Если в отношении недвижимости такой подход применим, то защита владения движимой вещи может существенно усложниться и приблизиться ко всем известному доказыванию права в порядке *probatio diabolica*. Отследить переход права собственности или иного права на вещь бывает довольно сложно, в связи с чем найти всех предшествовавших владельцев часто не представляется возможным, поэтому не следует вводить специальный срок, ограничивающий защиту владения.

Помимо защиты владения в судебном порядке Проект изменений ГК РФ в п. 4 ст. 215 указывает на возможность самозащиты владения любым способом, не противоречащим ст. 14 ГК РФ. Согласно ст. 14 ГК РФ способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Несомненно,

это оценочное понятие, и решение вопроса о допустимости самозащиты в той или иной ситуации будет зависеть от субъективного мнения суда.

По нашему мнению, пределы осуществления самозащиты должны быть четко сформулированы в Гражданском кодексе, так как владельцам приходится часто прибегать к данному способу защиты в ситуациях, когда бездействие может привести к утрате объекта владения навсегда. В Германии этот вопрос освещается более подробно, однако тоже вызывает неоднозначные мнения со стороны судей. В § 859 BGB установлено, что владелец может противиться запрещенному самоуправству, применив силу. В п. 2 детально разъясняется, что если владелец лишен движимой вещи, то он вправе силой отобрать ее у нарушителя, в случае если он был застигнут на месте либо найден в результате преследования [13]. Если же владелец лишен земельного участка он имеет право удалить нарушителя немедленно после совершения им запрещенного самоуправства. В Австрии (§ 19, 344, 1306, 1310 ABGB) случаи применения самозащиты владения считаются правомерными, только если они осуществлены в рамках необходимой обороны или крайней необходимости. Как видно, Всеобщий Гражданский кодекс Австрии предусматривает более строгое регулирование самозащиты.

В настоящее время гражданское законодательство нуждается в восстановлении института владельческой защиты. В условиях активно развивающегося гражданского оборота защитить свое право владения довольно непросто, а перегруженность судов и длительные сроки рассмотрения дела лишь усложняют данную проблему. Только создание эффективно действующей системы посессорной защиты владения в целях охраны имущественных интересов владельцев существенно облегчит борьбу с насилием и произволом, укрепившимся в современном российском обществе. Однако добиться поставленной цели удастся лишь после устранения всех имеющихся противоречий, существующих в Проекте изменений ГК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевская, Л. Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения / Л. Ю. Василевская // Цивилист. — 2011. — №1. — С. 23-29.
2. Всеобщий гражданский кодекс Австрии // Пер. с нем. С.С. Маслов. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 344.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) // Пер. с фр. В.Н. Захватаева. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 392.
4. Гражданский кодекс Швейцарии // Пер. с нем., фр. Н. И Гайдаенко Шер, М. Шер, 2012. С. 576.
5. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению // Пер. с нем. / В. Бергманн (введ., сост.) ; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. — 4-е изд., перераб. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. С. 712.
6. Забродин, Д. М. Владельческая (посессорная) защита в современном гражданском праве России / Д. М. Забродин // Бюллетень нотариальной практики. — 2011. — №4. — С. 34–38.
7. Коновалов, А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. Изд. 2-е, доп. — СПб. : Юридический центр Пресс. — 2002. С. 337.
8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. — М. : Статут, 2009. С. 126.
9. Ландаков, В. Н. О владельческой защите: прошлое, действительное и будущее / В. Н. Ландаков // Гражданское право. — 2011. — №3. — С. 22–26.
10. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект федер. закона №47538-6 : ред., принятая Гос. Думой в первом чтении 27 апр. 2012 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 сент. 2015 г. №Ф09-6050/15 по делу №А76-21388/2014 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
12. Рудоквас, А. Д. Владение и владельческая защита в проекте изменений Гражданского кодекса РФ / А. Д. Рудоквас // Известия вузов. Правоведение. — 2011. — №5. — С. 118-130.
13. Сеницын, С. А. Концепция владения и владельческой защиты в законопроекте о внесении изменений в ГК РФ: традиции континентального права и особенности российского правотворчества / С. А. Сеницын // Вестник гражданского права. — 2011. — №4. — С. 42-58.
14. Федорова, Н. А. Соотношение понятий «владение» и «собственность» в работах отечественных правоведов середины XIX — начала XX в. / Н. А. Федорова // История государства и права. — 2009. — №16. — С. 45-53.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П.А. Вагин,
начальник УМВД России по г. Тюмени,
адъюнкт Тюменского института
повышения квалификации МВД РФ
Научный руководитель:
В.В. Алексеев,
профессор кафедры оперативно-розыскной
деятельности и оперативно-технических
мероприятий ОВД ТИПК МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

В настоящее время об этнической организованной преступности говорится достаточно часто не только в оперативных сводках и аналитических документах правоохранительных органов, но и на различных уровнях государственной власти. Все чаще в средствах массовой информации появляются факты совершения тяжких и особо тяжких преступлений,